
О теории переводоведческой относительности*

© 2019 г. С.Т. Золян

Институт гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград, 236000, ул. Чернышевского, д. 56а, Россия; Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, 0001, ул. Арами 44, Армения.

*E-mail: surenzolyan@gmail.com
https://sci.academia.edu/SURENZOLYAN*

Поступила 22.02.2019

В статье раскрывается новый подход к общей теории перевода, называемый нами теорией переводоведческой относительности. Автор предлагает отказаться от попыток построения универсальной типологии, которая неизбежно распадется на множество слабо связанных между собой автономных теорий литературного перевода, технического, синхронного и т.д. Вместе с тем, по его мнению, не следует сводить исследования по переводу исключительно к описанию эмпирических практик. Основываясь на концепциях, – в первую очередь Ф. Шлейермахера, а также В. Куайна, М.Л. Гаспарова, Н.С. Автономовой и других, предлагается подход, при котором теории отличались бы не сферой описания («референцией»), а аксиоматикой. Это будет некоторое семейство лингвистических, семиотических и герменевтических базовых теорий, которые: а) связаны между собой отношением фамильного родства; в) ориентированы на адекватное описание некоторого типа перевода и с) взаимно дополняют друг друга. Проблема видится не в том, чтобы выявить некоторые универсальные принципы, приложимые ко всем типам перевода, а в том, чтобы соотносить между собой различные теории и оценить степень и радиус их приложимости. Это будет проблема взаимопереводимости/ неперево­димости уже самих теорий перевода. Переводоведческая относительность, то есть несводимость получаемых описаний переводческих практик и переводов, рассматривается как следствие таких глубинных характеристик перевода, как его многовариантность, неопределенность (недоопределенность), относительность, неполнота (неполная переводимость), дополнительность и контекстуализм. В Заключении предлагаются возможные принципы соотношения в рамках единой модели основных переводоведческих концепций.

Ключевые слова: «О различных методах перевода» Шлейермахера, неопределенность перевода, общая теория перевода, переводоведческая относительность.

DOI: 10.31857/S004287440006320-7

Цитирование: Золян С.Т. О теории переводоведческой относительности // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 75–86.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01536 «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций») в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

On the Theory of Traductological Relativity*

© 2019 г. Suren T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University, Institute of the Humanities, 56a, Chernyshevskogo str., Kaliningrad, 236000, Russian Federation; Institute of Philosophy, Sociology and Law, 44, Arami str., Yerevan, 0001, Armenia.

*E-mail: surenzolyan@gmail.com
https://sci.academia.edu/SURENZOLYAN*

Received 22.02.2019

In the article we suggest a new approach to the general theory of translation, it can be identified as a theory of the traductological relativity. We propose to abandon attempts to construct the universal typology, which will inevitably be disintegrated into varieties of weakly interconnected autonomous theories of literary translation, technical, synchronous, and so forth. At the same time, it is considered as not adequate to reduce research on translation exclusively to the description of empirical practices. Based on the existing conceptions – first of all, F. Schleiermacher, as well as W. Quine, M.L. Gasparov, N.S. Avtonomova, and the others, – we put forward an approach where theories would differ not by domains of description (their “reference”), but by axiomatics. It will be a family of linguistic, semiotic and hermeneutic fundamental theories of translation which: a) are related by family relation; c) are oriented to an adequate description of a particular type of translation, and c) complement each other. The problem seems not to reveal some universal principles applicable to all types of translation, but to relate various theories to each other and evaluate the degree and radius of their applicability. This will be the problem of the mutual translatability/non-translatability of translation theories themselves. Translation-relativity – i.e., the incompatibility of descriptions of translation practices and translations – is considered as a consequence of such deep characteristics of the translation as its multivariance, indeterminacy, relativity, incompleteness (incomplete translatability), complementarity and contextualism. In Conclusion, we outline the possible principles of correlation within the framework of a single model of basic traductological concepts.

Key words: Schleiermacher’s lecture “Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens”, traductological relativity, indeterminacy of translation, general theory of translation.

DOI: 10.31857/S004287440006320-7

Citation: Zolyan, Suren T. (2019) ‘On the Theory of Traductological Relativity’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2019), pp. 75–86.

1. Введение. К постановке проблемы

Последние полвека теория перевода последовательно движется по пути разграничения типов перевода и дифференциации лежащих в их основе семиотических операций и областей их применения. Этот процесс размежевания различающихся по методам и объектам теорий перевода зафиксирован и терминологически – в отказе от самого понятия *теория перевода* (theory of translation) и его замене указанием на область описания – исследования по переводу (translation studies). Предложенное в 1975 г.

---

* The research is supported by the grant from the Russian Science Foundation (project No. 17–18–01536, ‘Knowledge transfer and convergence of methodological practices’) at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

нововведение [Holmes 1988], начиная с 90-х гг., уже стало официально принятым термином. Встает вопрос: переводимы ли сами различные теории перевода?

Перевод — явление многомерное и многоаспектное, почему и существует множество разнообразных типов и стратегий перевода. При этом одни и те же явления, которые описываются как необъяснимые отклонения в одной из теорий, могут стать основой для другой. Такая ситуация вполне может привести к идее отказаться от теории и заменить ее неким эмпирическим коррелятом, как это и было предложено одним из наиболее авторитетных исследователей:

«Вместо того чтобы говорить о теориях перевода, вероятно, следует говорить о различных подходах к задачам перевода, о различных ориентациях, которые обеспечивают правильное понимание (*helpful insight*), и различные способы говорить о том, как некоторое соображение может быть перенесено (*transferred*) из одного языка в другой» [Nida 1991, 21].

За прошедшее время подобные настроения только усилились; суммируя их, приведем скептические размышления Эндрю Честермана:

«Есть больше свидетельств о фрагментированности <исследований по переводу>, нежели об их целостности (*consilience*). Исследователи перевода продолжают использовать многочисленные типы данных, методы и теоретические основы, и они вовсе не все придерживаются одних и тех же эпистемологических и онтологических допущений. Они могут разделять самую общую цель лучше понимать процесс перевода во всех его формах. Но нет никакого согласия относительно того, как может выглядеть “общая теория перевода в целом” (“*General Theory of All Translation*”), ни даже о том, была бы такая теория желательной, полезной или даже возможной. Возможно, что и это не имеет значения» [Chesterman 2019, 15].

В самом деле, противоположные точки зрения выдвигаются относительно самых основных понятий — эквивалентности, переводимости/непереводимости, инварианта или его отсутствия. Споры начинаются уже с самих основ: что именно подлежит переводу? Слова, тексты, смыслы, интенции, контексты? Как подлежащие межъязыковому соотношению могут рассматриваться не только единицы, но и целые тексты, и даже семиотические системы. При этом теоретически взаимоисключающие точки зрения парадоксальным образом подтверждаются практикой, при этом они могут соответствовать привычным семиотическим представлениям об эквивалентности и соседствовать даже в рамках одной концепции. Так, в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн дает два определения эквивалентности. Первое относится к переводу и достаточно традиционно. Перевод определяется как корреляция между лексическими элементами двух языков [Витгенштейн 1958, 4. 025; 3.343]. Однако согласно второму, перевод есть целостное отображение, основанное на отношении внутренней иконичности между семиотически различными текстами и системами [Там же, 4.013 — 4.014].

Двойкость и неконгруэнтность (взаимо-не-переводимость) определений перевода в «Трактате» отображают многообразие ипостасей, в которых может выступать то, что подлежит переводу: понимается ли исходный текст-оригинал как набор синтаксически связанных лексических единиц (и тогда возможно установление между оригиналом и переводом поэлементных соответствий) или же как некоторая целостная семантико-прагматическая структура (и тогда переводом оказывается целостная картина, некоторые элементы которой не будут иметь соответствий, например, при переводе музыки в нотную запись упоминаемым Витгенштейном знаком *бемоль* и *диез* не будут соответствовать какие-либо отдельные звуки).

Но при этом важно иметь в виду, что оба понимания как теории, хотя и исключают друг друга, в реальности взаимосвязаны — как различные аспекты, грани, операции и типы перевода, понимаемого и как процесс, и как продукт. Мы уже писали о возможности теории, основанной на относительности критериев оценки перевода [Золян 2017], где попытались развить заключение ранней совместной статьи М.Л. Гаспарова и Н.С. Автономовой:

«Нет переводов вообще хороших и вообще плохих, нет идеальных, нет канонических. Ни один перевод не передает подлинника полностью: каждый переводчик

выбирает в оригинале только главное, подчиняет ему второстепенное, опускает или заменяет третьестепенное. Что именно он считает главным и что третьестепенным — это подсказывает ему его собственный вкус, вкус его литературной школы, вкус его исторической эпохи» [Автономова, Гаспаров 1969, 112].

Такой подход был назван нами принципом относительности перевода. Здесь же мы попытаемся развить его в ином направлении: представив контуры теории относительности *переводоведческой*. Основой для подобного расширения может послужить концепция Шлейермахера о множественности методов перевода и теория Куайна о неопределенности перевода.

2. Принцип неопределенности перевода и критериев его оценки

Принцип неопределенности перевода У. Куайна хорошо известен, но в основном он упоминается в связи с проблемой значения, а не применительно к теории перевода. В самом деле, этот принцип относится не к самому переводу, а к теориям, описывающим критерии его приемлемости. «Неопределенность перевода» означает не «неточность» или даже невозможность приемлемого перевода, но множественность и несовместимость возможных теорий («пособий» «руководств», manuals), при том что возможно множество альтернативных переводов. Первоначально Куайн так объяснял понятие «неопределенность перевода»: это существование различных руководств (manuals), каждое из которых адекватно описывает речевую деятельность. Однако эти «руководства» несовместимы друг с другом — приемлемый согласно одной теории перевод может быть не эквивалентен другому, который также «приемлем», но уже в рамках другой теории [Куайн 2000, 44]. При этом «конкурирующие системы аналитических гипотез могут предписывать <...> в бесчисленных случаях резко различающиеся переводы — не просто взаимные парафразы, а переводы, каждый из которых исключается другой системой перевода» [Там же, 95]. Предположение о единственности приемлемого перевода Куайн считает *абсурдом*. Впоследствии (1987) он счел необходимым уточнить: «Неопределенность означает не невозможность приемлемого перевода, а возможность множества таковых» [Куайн 2005, 43].

Указывая на существование различных теорий и критериев, Куайн тем не менее уходит от вопроса, как они могут соотноситься между собой. Вместо этого он переносит проблему в иную плоскость, выдвинув понятие «радикального перевода», предполагающего отказ от метаязыковой рефлексии, будь то опыт переводчиков, двуязычных носителей языка или обращения к словарям. Если значение не содержится в предложении [Куайн 2006, 42], то идеальной моделью «радикального перевода» оказывается ситуация «неизвестного языка», когда «переводчик» не владеет языком говорящего и вынужден понимать его путем непосредственного восприятия предметов и ситуаций. В качестве посредника между языками выступают непосредственно наблюдаемые факты [Куайн 2000, 45]. Чем больше мы отдаляемся от ситуации непосредственного наблюдения, тем, согласно Куайну, меньше оснований говорить об осмысленных критериях оценки и сравнения переводов.

Однако тезис о неопределенности перевода можно развить и в обратном направлении: не уходя от лингвистических составляющих, а находя им функциональные и структурные соответствия. «Радикализм», то есть непосредственное обращение к фактам и ситуациям (если только это возможно), может оказаться и бесполезным, поскольку таковых, кроме лингвистических, может и не оказаться. Перевод, основанный на наблюдении и восприятии предметов и ситуаций, не будучи опосредованным языковыми структурами, не только не снимает неопределенность, но и сам генерирует ее. Если отказаться от «радикализма» Куайна и допустить, что предложения также содержат значения, и эти значения хотя бы частично могут быть выражены посредством предложений другого языка, то вопрос вновь сведется к методам перевода и критериям его оценки. Другое дело, что следует отказаться от фикции единственности перевода, а также от ее ослабленной версии — от того, что могут быть критерии, по которым из множества переводов можно будет выделить «наилучший» — можно говорить только о степенях адекватности применительно к определенному набору контекстов и обстоятельств. Одновременная

актуализация нескольких возможностей¹ явится скорее метаописанием, нежели собственно переводом. Это будет практической экспликацией теоретических положений о множественности и неопределенности переводов.

Но можно предположить, что кроме двух несопоставимых «руководств» есть еще и третье — описывающее, почему они возможны, почему они несопоставимы и в каком отношении дополняют друг друга. Принцип неопределенности перевода Куайна указывает на два различных аспекта: один касается самого перевода и его множественности, другой — относительности критериев его оценки. О множественности перевода было сказано выше, что же касается относительности, то в свете сказанного уместно вернуться к тому, что было названо нами теорией относительности поэтического перевода М.Л. Гаспарова и Н.С. Автономовой и расширить ее на сами теории перевода. Принцип неопределенности перевода в таком случае разделяется на два — принцип множественности переводов и принцип переводоведческой относительности. Он не сводится лишь к констатации того, что как оценка переводов, так и критерии, на которых она основывается, могут быть подвижными и «относительными», а мыслится как механизм соотнесения и, где это возможно, конвертации между альтернативными теориями перевода, ср.: [Автономова 2014, 319–320].

3. Перетолковывая Шлейермахера: принципы теории переводоведческой относительности

Теория Куайна стала ведущей в одном из направлений философии языка и семантики, но оказала весьма скромное влияние на саму теорию перевода. Хотя это и парадоксально как с хронологической, так и концептуальной точек зрения, мысль о неопределенности перевода может получить интересное развитие не в предлагаемом Куайном «радикальном переводе», а если следовать высказанной в начале XIX в. концепции Фридриха Шлейермахера о многообразии методов перевода и их несовместимости друг с другом. Хотя к лекции Шлейермахера 1813 г. «О разных методах перевода» обращаются весьма часто, но при этом имеют в виду скорее ее поверхностные следствия (например, разграничение между устным и письменным переводом). В основном цитируется сравнение метода с выбором пути², хотя именно эта мысль была заимствована Шлейермахером у Гёте, см.: [Федоров 2003, 33]. Между тем основные положения «Лекции» могут быть прочитаны в контексте идей, высказанных уже в XX в. Здесь можно увидеть некоторый инструмент *соотнесения* между собой различных аспектов перевода и, соответственно, различных переводоведческих теорий:

«О каких бы методах перевода ни шла речь — о формальном или содержательном, о точном или изящном, все неизбежно сводится к двум вышеупомянутым; что касается их достоинств и недостатков, то точность и передача смысла, буквализм и полная свобода в рамках одного метода будут пониматься совершенно иначе, чем в рамках другого» [Шлейермахер 2000, 133–134].

Шлейермахер не только демонстрирует разнообразие методов и неопределенность критериев оценки переводов, но и вскрывает причины этого явления — оно обусловлено не более или менее случайным расхождением во вкусах, а коренится в самой природе перевода как языковой деятельности. Согласно главной идее Шлейермахера, типология перевода зависит не от модуса (устный или письменный, хотя за неимением других он употребляет именно эти термины) или сферы (науки, искусства, права и т.д.), а от степени заложенной в тексте креативности и индивидуальности. Термины «устный» и «письменный», как отмечает сам Шлейермахер, лишь условные и уводящие в сторону («насильственные» [Там же, 128]) обозначения двух принципиально отличных друг от друга типов, основное различие между которыми определяется характером и степенью авторского начала в тексте-оригинале:

«Чем меньше проявляет себя создатель исходного текста, ограничиваясь ролью инструмента восприятия и следуя требованиям места и времени, тем больше его работа — предмет устного перевода. Так, переводчик газетных статей и обыкновенных путевых заметок ближе к устному переводчику, претензии на художественность с его стороны были бы смешны. И, наоборот, чем больше собственного видения вещей и

оригинальных ассоциаций выказал автор в своей работе, чем более он свободен в выборе своей задачи, тем более его труд приближается к высокой художественной сфере, и переводчик должен в этом случае обладать другими возможностями и другим мастерством и совсем по-иному проникать в дух писателя и его язык, чем это может сделать устный переводчик» [Шлейермахер 2000, 128–129].

Это положение может быть дополнено рядом других идей Шлейермахера. Выделив их, мы тем самым опишем тот каркас, который возникает вокруг его ключевой идеи о характере отличий между способами перевода. Для Шлейермахера эти отличия обусловлены функциональными различиями между типами дискурсов (в терминологии Шлейермахера – «риторическими жанрами»), в первую очередь в зависимости от того, что является доминирующей текста-оригинала – *мысль* или *дело*. Поэтому *«везде, где преобладает мысль, опирающаяся на речь, а не на дело, произвольным, но вполне определенным знаком которого является слово»* [Там же, 130], будь то не только художественный, но и научный или юридический текст – во всех этих случаях адекватным будет метод, который Шлейермахер называет «письменным» переводом.

Как и впоследствии Куайн, Шлейермахер указывает на несовместимость критериев, по которым следует оценивать переводы: «То, что верно для значения в одном методе, или слишком буквальном, или слишком свободном, будет отличаться в другом» [Там же, 133]. Соответственно, вместо универсальной теории он предложил составить нечто вроде «руководств» Куайна: «Для каждого из двух методов можно изложить набор инструкций, относящихся к разным риторическим жанрам» [Там же, 134]. В этих «наборах инструкций» будут по-разному оцениваться такие характеристики, как точность и переводимость. «Неполнота» перевода оказывается достоинством, она отражает «инаковость» перевода, тогда как «полнота» оригинала неперевода – она в переводе обернется «мешаниной» [Там же, 136]. В то же время «близость» перевода к оригиналу – это характеристика тривиального перевода, механистически определяемого межъязыковыми соответствиями: «Такой перевод является почти механической работой, для которой не требуется особенно глубокое знание языков, и при отсутствии грубых ошибок хороший перевод мало отличается от плохого» [Там же, 129].

Межъязыковая точность парадоксальным образом может оказаться «высшей степенью унижения» для переводчика: вопрос о пределах перевода и переводимости перерастает в проблему его инаковости и даже чужеродности. Любой перевод может быть лишь частичным отображением оригинала [Там же, 137]. По Шлейермахеру,

«если каждое слово одного языка имело бы точное соответствие в другом, выражая то же понятие в тех же обстоятельствах и сочетаниях, то есть если бы языки и впрямь отличались бы только по звучанию, то в области искусства и науки любой перевод, как устный, так и письменный, был бы столь же механическим, как в сфере деловых отношений, и о каждом переводе можно было бы сказать, что иностранный читатель воспримет произведение и автора так же, как читающий на исходном языке» [Там же, 129].

Безусловно, здесь уместно вспомнить теорию перевода Вальтера Беньямина [Беньямин, 2012] и ее продолжение в современной философии [Деррида 2012]; см. также обзоры: [Алексеева 2014; Алексеева 2016]. Беньямин как бы договаривает за Шлейермахера: перевод есть не «бесплодное отождествление двух мертвых языков», а динамический процесс обретения языковыми единицами смысла: это «дозревание чужого слова» и «рождение своего». Межъязыковые соответствия, по Беньямину, не дублируют, а исключают друга друга, почему и не могут считаться эквивалентами: множественность взаимодополняющих переводов оригинала есть манифестация множественности взаимодополняющих языков, по-разному выражающих означаемое и только в совокупности дополняя его до целого.

Шлейермахер предусматривает возможность воздействия переводчика на язык: он – не только заложник внутриязыковых когнитивных моделей и их межъязыковых соответствий, но и их реформатор. С одной стороны, «каждый человек находится во власти языка, на котором он говорит. Он и все его мышление суть творения языка. У него не может возникнуть никакой сколько-нибудь определенной мысли вне языка;

языком, с которым он родился и вырос, предопределен характер его представлений, тип и пределы их сочетаемости, а также его разум и фантазия» [Шлейермахер 2000, 130].

Это одновременно и аналог-провозвестник теории лингвистической относительности Сэпира–Уорфа, и в то же время оппонирование ей: воздействие языка на мышление его носителя дополняется или уравнивается его «потребностью самовыражения» и способностью создавать «новые формы»: «Вместе с тем любой свободно мыслящий, духовно независимый человек создает собственный язык... Живая сила каждого человека создает в языке новые формы, которые сначала служат потребностям самовыражения» [Там же, 130–131].

Такое видение открывает возможность для герменевтического подхода, когда перевод рассматривается еще и как проблема самопознания, понимания и объяснения:

«Ведь в посредничестве переводчика нуждаются не только разные племена одного народа, использующие разные изводы одного языка или наречия, <...> но даже и современники, не разделенные диалектами, а лишь происходящие из разных классов, получившие разное образование и не связанные постоянным общением... Даже наши собственные речи спустя какое-то время иногда приходится переводить, если мы хотим их наново освоить» [Там же, 127–128].

Безусловно, это наиболее герменевтическая идея из «Лекции», и она находит отражение в подходе Поля Рикёра [Ricœur, 2006]. Рикёр подхватывает формулу Георга Штейнера: «Понимать – значит переводить» [Steiner, 1998]. Различие *между* языками дополняется различиями *внутри* языка. Понимание и перевод основаны на репрезентации Себя как Другого: «Думать и говорить – это всегда переводить, даже когда кто-либо говорит сам с собой, когда человек обнаруживает следы Другого в себе (и никому не дано существовать без этого). Ведь язык, понимаемый как специфическое свойство человека, всегда оказывается конкретным и особым языком, и с этим связано разнообразие и множественность языков, цит. по: [Kearney 2006, XX]. «Внутренний перевод» (внутриязыковое перифразирование) как процесс понимания дополняется понятием «языкового гостеприимства» – способностью принять и поселить слово Другого в нашем собственном доме [Ricœur 2006, 10–11].

«Лекция» Шлейермахера содержит целый спектр возможных линий развития теории перевода. Конечно, было бы натяжкой утверждать, что в потенциальном виде в ней представлено все разнообразие переводоведческой мысли XX в. (например, отсутствует столь важная характеристика, как контекстуализм в духе Б. Малиновского). Тем не менее очевидно, что он, по крайней мере, предсказал предельные типы основных переводоведческих теорий (структуралистская теория «устного» перевода как установление межъязыковых соответствий, близкая к аналитической философия языка концепция неопределенности перевода, но без «радикализма» Куайна; герменевтическая концепция «письменного» перевода, включая и некоторые промежуточные формы). Что представляется особо важным, все эти возможные линии развития у Шлейермахера, хоть и будучи взаимно несовместимыми, тем не менее скреплены общим концептуальным каркасом – это идея многообразия и многоликости перевода, определяемая зависимостью от таких переменных, как язык, тип текста, установки автора и переводчика. Именно это мы предлагаем заложить в основу теории переводоведческой относительности, понимаемой не как некоторый инвариант, а как возможность соотнесения различных теорий на основе варьирования вышеуказанных переменных.

4. Заключение

Таким образом, можно выделить основные положения теории переводоведческой относительности, создающей возможность соотнесения различных теорий.

1. «С Протеем будь Протей!» – этот наказ Вячеслава Иванова переводчику (стихотворение «Переводчику», 1904) может послужить отправной точкой и для теоретиков перевода. Перевод, подобно Протею, может принимать различные формы и существует именно в многообразии этих манифестаций. Поэтому к нему не применим вопрос: а каково истинное обличье Протея, то, которое и должен воспроизвести перевод? Сначала было принято считать, что

воспроизведению подлежит оригинал, затем — некоторый смысловой инвариант, в теории Беньямина — это уже только точка, в теории радикального перевода Куайна нет и ее. Но описанию может подлежать именно это свойство протеобразности-преобразуемости, перетекания из одного состояния в другое, своего рода семиотического гомеоморфизма. Применительно к переводу это свойство можно назвать принципом относительности поэтического перевода. Этот подход можно распространить и на теорию перевода в целом.

2. Принцип относительности перевода требует отказа от предположения о возможности установления взаимооднозначных соответствий и описания критериев «лучшего» перевода. Напротив, основной задачей становится описание и объяснение факта множественности переводов и несопоставимости критериев их оценки. Относительность перевода находит свой коррелят в множественности и несоизмеримости описывающих его теорий. Любая универсальная типология неизбежно распадется на множество слабо связанных между собой автономных теорий литературного перевода, технического, синхронного и т.д. Но вместо набора подобных «жанровых» теорий можно предложить подход, где теории различались бы не по сфере описания («референции»), а по аксиоматике. Это будет некоторое семейство лингвистических, семиотических и герменевтических теорий перевода, которые а) связаны между собой отношением фамильного родства; в) ориентированы на адекватное описание некоторого типа перевода и с) взаимно дополняют друг друга. Вопрос не в том, чтобы выявить некоторые универсальные глубинные принципы, приложимые ко всем типам перевода, а в том, чтобы соотнести между собой различные теории и оценить степень и радиус их применимости. Это будет проблема взаимопереводимости/непереводимости уже самих теорий перевода. Описание их отличий подчинено основной задаче: в рамках единой системы (своего рода «теории теорий») выявить возможность перехода от одной теории к другой, причем не посредством тривиального указания на отличие сферы перевода (скажем, «теория технического перевода отличается от теории художественного»), а как трансформацию некоторых базисных принципов, в различной мере значимых для различных типов и сфер перевода и в них различным образом манифестируемых.

3. «Теорию теорий» перевода можно задать как систему, описываемую посредством ее предельных состояний. Она может быть представлена как упорядоченное концептуальное пространство, на котором, в качестве его предельных областей, располагаются: с одной стороны, семейство лингвистических теорий переводимости, предполагающих, что могут быть заданы межъязыковые эквиваленты, и на этой основе осуществляется перевод, а с другой — это семейство теорий радикального перевода, в которых место языка и текста занимают экстралингвистические факторы. Между этими предельными состояниями будут располагаться остальные теории, варьирующиеся в зависимости от того, какие единицы в них будут рассматриваться как базовые доминанты. Для каждой из этих теорий будут действовать свои условия гомеоморфизма, пределы преобразований: в каком случае применительно к двум иноязычным текстам один из них можно считать переводом другого. Если брать все пространство подобных теорий, то можно предложить, по аналогии с понятиями возможности и необходимости, минималистское и максималистское определения перевода. При первом будет достаточным, если хотя бы в одной из теорий некоторый текст был признан переводом другого; при втором — этот текст должен быть признан переводом во всех теориях. При этом могут быть различные подходы к тому, что обеспечивает свойство «быть переводом» — и тогда разнообразие теорий будет варьироваться в зависимости от того, что считать инвариантом, или же исходить из того, что не существует инварианта, но есть различные степени конструируемого подобия или эквивалентности.

4. Предложенный критерий исходит из того, что отношение «быть переводом» есть результат установления некоторой эквивалентности. То, относительно чего устанавливается эквивалентность, задает аксиоматику соответствующих ей теорий перевода. Во-первых, сам вопрос о том, что есть эквивалентность и какова создающая ее операция, может получить двойкий ответ: то ли это есть репликация уже имеющегося в языковой системе отношения, то ли это воссоздание нового отношения на основе имеющихся. Далее теории могут различаться тем, относительно чего производится анализ: берется ли в качестве исходной категории слово или текст (оставим в стороне такие возможные доминанты, как лингвистический и экстралингвистический контекст). Принципиальная неразрешимость этой дилеммы приводит к возникновению двух типов лингвистических теорий — словоцентричных и текстоцентричных. Существующие и потенциальные теории перевода различаются еще и в зависимости от того, что оказывается их лингвистической основой — текст или слово. Тем не менее очевидна корреляция: доктрина переводимости исходит из соответствий, устанавливаемых между словами, а непереводимости — обращается к текстам и контекстам. Взятые по отдельности, ни та, ни другая не могут служить в качестве базовой, поскольку развитие внутренних положений приводит к существенным противоречиям, на что неоднократно указывалось в ходе полемики между их сторонниками и оппонентами. Невозможно и их непротиворечивое объединение. Однако они естественным образом дополняют друг друга до целого, взятые именно как взаимодополняющие они описывают процесс перевода, адекватно указывая на просчеты друг друга. Нельзя перевести текст, не переводя (и не изменяя) слов, а переведенные слова должны составить некоторый видоизмененный по сравнению с оригиналом текст. Употребленное Полем Рикёром в несколько иной связи выражение «двойная измена» перевода [Ricoeur 2006, 38], — невозможность передачи ни слов по отдельности, ни текста в целом — оборачивается двойной неадекватностью теории, если исходить только из одной альтернативы.

5. Вышеприведенные определения перевода, взятые из «Трактата» Витгенштейна формулируют различные интуиции о том, что есть текст — целостная структура или же упорядоченное множество синтаксически связанных лексических единиц. Во втором случае задача сведется к выделению значений этих единиц и их замене на лексические единицы другого языка при сохранении соответствующих синтаксических связей. При таком подходе, даже принимая множественность потенциальных решений, можно говорить о правильном и даже лучшем переводе, если с наибольшей точностью воспроизведены все лингвистические значения, имеющиеся в оригинале. Однако если рассматривать текст как динамическую структуру, способную порождать смысл в новых контекстах, принципиально невозможно выделить его неизменный смысл — значения будут генерироваться как результат внутритекстового и контекстуального взаимодействия, а не переноситься из лексической системы языка, подробнее см.: [Золян 2013; Золян 2016].

6. При конструировании теории перевода можно воспользоваться еще одним Витгенштейновским понятием фамильного сходства. Применительно к нашей «теории теорий» это будет звучать так: возможно, что две произвольно взятые теории окажутся несопоставимыми, но для их включения в общее пространство теорий перевода обязательно, чтобы каждая из них имела соответствия как минимум с одной из наличествующих в этом пространстве. В качестве критерия соответствия теорий можно взять зеркальный критерий Куайна — если согласно этим теориям («руководствам») одни и те же переводы признаются приемлемыми или неприемлемыми в обеих из них, то эти теории считаются соответствующими друг другу (или совместимыми друг с другом). Принцип фамильного сходства, взятый как основа для общей теории перевода, существенно дополняет принцип неопределенности перевода:

несовместимыми между собой оказываются не все «руководства», а лишь некоторые из них, но при этом для каждой пары несовместимых «руководств» должны найтись такие, что совместимы с ее членами.

7. Если от гипотетической ситуации перейти к спектру существующих концепций, то их можно расположить следующим образом. Например, по оси «межъязыковые соответствия» $\leftrightarrow$ «контекст» как предельные случаи можно рассматривать, с одной стороны, лингвистические теории в духе концепции Романа Jakobsona, исходящие из того, что всегда можно найти эквиваленты для разноязычных единиц, и рассматривающие исключительно лингвистические соответствия, а с другой — исключаящую какие-либо лингвистические средства и обходящуюся без словаря теорию радикального перевода В. Куайна, когда переводу подлежит некоторая ситуация, а не текст, то есть некоторый экстралингвистический контекст. Внутри лингвистических теорий можно выделить другое измерение — *словоцентризм* $\leftrightarrow$ *текстоцентризм* (см. выше), и для них контекстом окажутся либо внутритекстовые (контекстуальные), либо межтекстовые (интертекстуальные) характеристики. Между крайними областями найдут свое место теории, обеспечивающие связность общего пространства; в различной мере «непоследовательные» теории будут заполнять промежуток между «ригористичными», отрицающими какой-либо иной, кроме доминирующего принципа. Концепции «переводимости» будут тяготеть к словоцентричным, непереводимости — к текстоцентричным и контекстуалистским. Так, концепция Б. Малиновского — пример контекстуальной теории, учитывающей лексические значения, хотя приоритет в ней тем не менее, отдается внелингвистическому контексту. При этом сам внешний контекст преобразуется в форму текста (дается как комментарий к переводу), а что касается лексической семантики, то подход Малиновского можно охарактеризовать как динамическую контекстно-зависимую теорию слова. Теорию Беньямина можно отнести к лингвистическим, причем к словоцентрическим концепциям, в которой, однако, в духе текстоцентрических концепций, лексические единицы рассматриваются как динамически развивающиеся семантические сущности, без того чтобы рассматривать их значения как фиксированные в системе того или иного языка (поскольку в данной теории их предельное значение определяется неким идеальным Языком языков, которым и заменяется контекст как фактор, приводящий к семантическим изменениям). Парадоксальным образом к подобной аксиоматике оказываются близки такие контекстуальные теории, как культурный или политический перевод, отвергающие в качестве объекта перевода вербальный текст и акцентирующие переводимость (или, скорее, непереводимость) концептуальных систем. Другое дело, что единая идеальная система означаемых («чистый язык») Беньямина в этих теориях распадается на множество специфичных культурных кодов.

8. Как видим, границы предлагаемой теории переводоведческой относительности (или теории теорий перевода) будут задаваться концепциями, в силу их «бескомпромиссности» в полной мере не реализуемыми на практике, почему и возникает конфликт между возможными критериями, которые применимы скорее к некоторым идеальным типам. Это становится стимулом для создания теорий промежуточного типа, дробление которых может продолжаться применительно к конкретным описываемым случаям. Критерии в этом случае «вытягиваются» из самого перевода. Поэтому дробление может продолжаться вплоть до уровня соответствия конкретному тексту перевода — вполне допустимо предположить, что каждому переводу как уникальному событию должна соответствовать описывающая его особая теория, которая, однако, должна быть вписана в общее пространство, задаваемое теорией переводоведческой относительности. Наконец, можно предположить, что не все возможные принципы построения теорий исчерпаны и с развитием лингво-семиотического инструментария будут появляться новые семейства теорий

перевода. Так, до сих пор, насколько нам известно, не предлагались системные теории, где в качестве базовых единиц использовались бы речевые акты, и, соответственно, в качестве критерия перевода рассматривались бы соответствия между локутивными, иллюкутивными или перлокутивными значениями.

Примечания

¹ Такой путь перевода «непереводимого» был предложен Брониславом Малиновским, когда одновременно представлены четыре типа перевода: 1) подстрочник, или буквальный перевод; 2) вольный перевод; 3) синтез вольного перевода и подстрочника, 4) детальный комментарий, или контекстуальная спецификация значения [Malinowski 1935].

² «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю. Оба пути совершенно различны, следовать можно только одним из них, всячески избегая их смешения, в противном случае результат может оказаться плачевным: писатель и читатель могут вообще не встретиться» [Шлейермахер 2000, 132–133].

Источники – Primary Sources in Russian and English

Беньямин 2012 – *Беньямин В.* Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера / Пер. Е. Павлова // *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. URL: <http://kassandron.narod.ru/commentary/11/6ben.htm> (дата доступа: 24. 07. 2019) [Benjamin, Walter. *The Task of the Translator, an Introduction to the Translation of Les Fleurs du Mal by Baudelaire* (Russian Translation)].

Витгенштейн 1958 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. И. Добролюбова, Д. Лахути / Общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. М.: Издательство иностранной литературы, 1958 [Wittgenstein, Ludwig *Logisch-Philosophische Abhandlung* (Russian Translation)].

Деррида 2012 – *Деррида Ж.* Вокруг Вавилонских башен / Пер. с франц. и коммент. В.Е. Лапицкого. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Machina, 2012 [Derrida, Jacques *Des tours de Babel* (Russian Translation)].

Куайн 2005 – *Куайн У.* Еще раз о неопределенности перевода // *Логос.* 2005. № 2 (47). С. 32–45 [Quine, Willard Van Orman *Indeterminacy of Translation Again*, 1st edition 1987 (Russian Translation)].

Куайн 2000 – *Куайн У.* Слово и объект. М.: Логос; Праксис, 2000 [Quine, Willard Van Orman *Word and Object*, 1st edition 1960 (Russian Translation)].

Федоров 1983 – *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983 [Fedorov, Andrey V. *Fundamentals of General Theory of Translation* (In Russian)].

Шлейермахер 2000 – *Шлейермахер Ф.* О разных методах перевода. Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // *Вестник МГУ. Серия 9. Филология.* 2000. № 2. С. 127–145 [Schleiermacher, Friedrich *Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens, Vorlesung* (Russian Translation)].

Ссылки – References in Russian

Автономова 2014 – *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2014.

Автономова, Гаспаров 1969 – *Автономова Н.С., Гаспаров М.Л.* Сонеты Шекспира – переводы Маршака // *Вопросы литературы.* 1969. № 2. С. 100–112.

Алексеева 2016 – *Алексеева М.Л.* Проблема непереводимости в философских исследованиях начала XXI в. // *Вопросы философии.* 2016. № 3. С. 51–60.

Алексеева 2014 – *Алексеева М.Л.* Осмысление феномена непереводимости философами XX столетия // *Вопросы философии.* 2014. № 2. С. 164–171.

Золян 2017 – *Золян С.Т.* М.Л. Гаспаров и принцип относительности поэтического перевода // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы / Сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 486–504.

Золян 2016 – *Золян С.Т.* Текстцентричная семантика и теория перевода Статья 2: Семантика перевода как семиотическая переменная // *Иностранные языки в высшей школе.* 2016. Вып. 4 (39). С. 45–55.

Золян 2013 – *Золян С.Т.* Текстцентричная семантика и теория перевода // *Иностранные языки в высшей школе.* 2013. Вып. 2 (25). С. 11–18.

References

- Alekseyeva, Maria L. (2016) 'The Problem of Untranslatability in Philosophical Studies of the Early 21st Century', *Voprosy Filosofii*. 2016. Vol. 3 (In Russian).
- Alekseyeva, Maria L. (2014) 'Understanding the Phenomenon of Non-transferability by Philosophers of the XX Century', *Voprosy Filosofii*. 2014. Vol. 2 (In Russian).
- Avtonomova, Nataliya S. (2014) *Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov*, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. Universitetskaya kniga. Moscow, St. Petersburg (In Russian).
- Avtonomova, Nataliya S., Gasparov, Mikhail L. (1969) 'Shakespeare's Sonnets – Marshak's Translations', *Voprosy literaturey*, 1969, Vol. 2, pp. 100–112 (In Russian).
- Chesterman, Andrew (2019) Consilience or Fragmentation in Translation Studies today? *Slovo.ru: baltijskij accent*, 2019, Vol. 10, No. 1, pp. 9–20.
- Holmes, James S. (1988). 'The Name and Nature of Translation Studies', Holmes, James S. *Translated!: Papers on Literary Translation and Translation Studies*, Rodopi, Amsterdam, pp. 66–80.
- Malinowski, Bronislaw (1935) *Coral Gardens and Their Magic*. Vol. 2: *The Language of Magic and Gardening*, Allen & Unwin, London.
- Nida, Eugene A. (1991) 'Theories of Translation', *TTR: Traduction, Terminologie, Rédaction*, vol. 4, n° 1, 1991, pp.19–32.
- Ricœur, Paul (2006) *On Translation*. Routledge, London, 2006.
- Steiner, George (1998) *After Babel. Aspects of Language and Translation*, Oxford University Press, Oxford, 1st edition 1975.
- Zolyan, Suren T. (2017) 'M.L. Gasparov and the Principle of Relativity of Poetic Translation'. Akimova M., Tarlinskaya M. (eds.) *M. L. Gasparov. About him. For him: Articles and Materials*, Novoye Literaturnoye Obozreniye, Moscow, pp. 486–504 (In Russian).
- Zolyan, Suren T. (2016) 'Text-Centered Semantics and Theory of Translation'. Part 2: 'The Semantics of Translation as a Semiotic Variable', *Inostrannyye Yazyki v Vysshei Shkole*, 2016, Vol. 4 (39), pp. 45–55 (In Russian).
- Zolyan, Suren T. (2013) 'Text-Centered Semantics and Theory of Translation', *Inostrannyye Yazyki v Vysshei Shkole*, 2013, Vol. 2 (25), pp. 11–18 (In Russian).

Сведения об авторе

ЗОЛЯН Сурен Тигранович – доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Ереван).

Author's information

ZOLYAN Suren T. – DSc in Philology (General Linguistics), Professor at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Institute of the Humanities, Kaliningrad, Russia; Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Sociology and Law, Yerevan, Armenia.